

ЖУРНАЛИСТИКА
ТЕОРИЯ МЕДИА
JOURNALISM
THEORY OF MEDIA

DOI: 10.22363/2312-9220-2025-30-1-105-117

EDN: TWGENM

УДК 327:316.77

Научная статья / Research article

**Информационное общество для неоглобального мира:
между конкуренцией постреальностей
и новой архитектурой медиа**

**О.А. Дмитриев¹ , Д.Г. Евстафьев^{1,2} **

¹Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

²Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
 oadmitriev@hse.ru

Аннотация. В связи с концептуальными изменениями в глобализованном информационном обществе авторы осмысливают дрейф от относительно свободной медийной системы с конкуренцией постправд и бытовой экспертностью к системам, регулируемым национальными законодательствами с опорой на ценностно-цивилизационные ориентиры. Исследовательский вопрос заключается в возможности сохранения прежней архитектуры медийного пространства на общемировом и национальном уровнях. В статье отмечается, что информационное пространство находится в фазе разрушения содержательного информационно-социального мейнстрима, когда принцип управления социумом работает через каскадирование нарративов в демедиатизированном пространстве. Авторы выявляют характерные черты трансформации модели управления социоинформационными процессами на фоне постреальности, предполагая более глубокую степень вмешательства в социальную жизнь человека и на уровне вовлеченных групп, и в индивидуальном плане. Реализация механизмов постреальности невозможна в условиях деградации медиа и демедиатизированного пространства. Выдвигается и проверяется следующая гипотеза: дальнейшее информационное «разгораживание» единого информационного пространства, которое утрачивает общемировую целостность, стратегически невозможно без частичной ремедиатизации. Процессы, характерные для современного этапа

© Дмитриев О.А., Евстафьев Д.Г., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

развития информационного общества, потребуют возвращения к медиаплатформам, вокруг которых и будут выстраиваться страновые (региональные) информационные сегменты.

Ключевые слова: медиапространство, регионализация, новая журналистика, каскадирование нарративов, альтернативные медиа, новая медийность

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов. Разработка концепции, сбор и анализ материалов, написание и редактирование текста – О.А. Дмитриев; разработка программы исследования, сбор и анализ материалов, написание рукописи – Д.Г. Евстафьев.

История статьи: поступила в редакцию 30 августа 2024 г.; отрецензирована 21 октября 2024 г.; принята к публикации 12 декабря 2024 г.

Для цитирования: *Дмитриев О.А., Евстафьев Д.Г.* Информационное общество для неоглобального мира: между конкуренцией постреальностей и новой архитектурой медиа // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2025. Т. 30. № 1. С. 105–117. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2025-30-1-105-117>

Information Society for the World of Neo-Global: Transition to the Competition of Post-Realities and a New Architecture of Media

Oleg A. Dmitriev¹, Dmitry G. Evstafiev^{1,2}

¹*HSE University, Moscow, Russian Federation*

²*RUDN University, Moscow, Russian Federation*

oadmitriev@hse.ru

Abstract. In connection with conceptual changes in the globalized information society, the authors comprehend the drift from a relatively free media system with competition of post-truths and everyday expertise to the systems regulated by national legislation based on value and civilizational guidelines. The research question is whether it is possible to preserve the former architecture of the media space at the global and national levels. The article notes that the information space is in the phase of destruction of the informational and social mainstream, when the principle of social management through the cascading of narratives in a demediatized space works. The authors identify the characteristic features of the transformation of the model of socio-informational processes management against the background of postreality, suggesting a deeper degree of intervention in human social life, both at the level of socially involved groups and individually. The implementation of postreality mechanisms is impossible in the conditions of media degradation and demediatized space. The following hypothesis is put forward and tested: further information demediatization of the unified information space, which is losing its global integrity, is strategically impossible without partial remediatization. The processes characteristic of the current stage of information society development will require a return to media platforms, country (regional) information segments will be built around them.

Keywords: media space, regionalization, new journalism, cascaded narration, alternative media, new media

Conflicts of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

Authors' contribution. Development of the concept, data collection & analysis, text writing and editing – Oleg A. Dmitriev; development of the research program, data collection & analysis, text writing – Dmitry G. Evstafiev.

Article history: submitted August 30, 2024; revised October 21, 2024; accepted December 12, 2024.

For citation: Dmitriev, O.A., & Evstafiev, D.G. (2025). Information Society for the World of Neo-Global: Transition to the Competition of Post-Realities and a New Architecture of Media. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 30(1), 105–117. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2025-30-1-105-117>

Введение

В последние годы мы наблюдали развитие глобализированного информационного общества с опорой на различные социально-экономические и социально-политические институты не только как на ретрансляторы, но и как на инструменты перевода информационного воздействия в социальное. Влиянием в политических и социально-политических институтах, имеющих значительный медийный потенциал, объясняется сохранение у США широких возможностей информационно-политических манипуляций (Baysha, 2019). В ходе нынешней волны глобальных трансформаций формируется новая институциональная конструкция мира, неизбежно меняющая форматы реализации социоконструктивистского и управленческого потенциала информационного общества. Помимо англоязычных медиа в неанглоязычных странах, появляются трансмировые ресурсы, которые инициируют системное информационное противодействие англосаксонским медиа. Например, ТВ БРИКС (TV BRICS), кроме подготовки телевизионного контента, занимается медиаобразованием журналистов и просвещением населения в разных точках планеты. К подобным проектам присоединяются другие страны Глобального Юга (Яковлев, 2024). Например, одна из крупнейших медиагрупп Ирана вошла в сеть TV BRICS¹.

На этом фоне относительное доминирование Соединенных Штатов в мировом информационном пространстве становится критичным. Под вопросом возможности США использовать рычаги мягкой силы в тех же масштабах и с той же эффективностью, что и раньше. Это стало явным в июле 2024 года после покушения на Дональда Трампа и заявления Джо Байдена о том, что он не будет продолжать борьбу за пост президента США. Причем ответственность за сам факт покушения возлагалась на СМИ, демонизировавшие Трампа (Allsop, 2024). Такие инциденты заставляют правящие круги США искать новые инструменты влияния,

¹ См.: <https://tvbrics.com/news/odna-iz-krupneyshikh-mediagrupp-irana-voshla-v-set-tv-brics/> (дата обращения: 20.08.2024).

совершенствовать механизм управления информационным обществом, сохраняющим глобальный характер.

Одним из наиболее ярких примеров является мультимедийное пространство, формируемое вокруг американского тележурналиста Такера Карлсона, создавшего «СМИ одного человека» с максимальным использованием различных форматов. Феномен Карлсона основан на конкуренции постправд, адаптированных под целевые аудитории.

Другой пример – появление международных мультимедийных альтернативных англоязычных медиа в неанглоязычных странах: RT и *Sputnik* в России, Al Jazeera в Катаре, CGTN в Китае, NHK World в Японии, TRT в Турции. Там информационная повестка зависит от интересов государств и правящих кругов указанных стран, а также от потребностей глобальной целевой аудитории по всему миру. В 2022 году США и страны Европы заблокировали российские информационные ресурсы (Lendval, 2023), а в 2024-м российские СМИ получили отказ на освещение Олимпийских игр в Париже, что скомпрометировало американские и западноевропейские медиа. Зарубежные исследователи отметили сомнительность такой блокировки СМИ с точки зрения соответствия международным журналистским и медийным практикам (Gosztonyi, 2023).

Возникновение подобных разновекторных процессов в медиaproстранстве актуализирует изучение технологий политических манипуляций, в том числе механизмов постправды, для понимания мировой политики и экономики.

Методология исследования

Авторы применяли методы систематизации и моделирования. Цель исследования — переосмыслить понятие «социоинформационная среда» в контексте грядущего распада глобализированного информационного общества и выявить условия последующей ремедиатизации на базе новой конфигурации медиа. Исторические реминисценции из истории СМИ и пропаганды послужили отправной точкой для авторской рефлексии. В качестве эмпирических материалов использовались знаковые примеры современных медиаконфликтов.

Результаты и обсуждение

Определяющей чертой политики постправды является то, что участники различных политических кампаний придерживаются собственных тезисов, даже в случае публичного опровержения независимыми экспертами. Это происходит, когда ложь, сплетни и слухи в интернете через сеть пользователей распространяются с необычайной скоростью. Важное место занимает троллинг – агрессивная форма социального коммуникативного взаимодействия, цель которого – стимулировать негативные реак-

ции тех, кто принимает участие в дискуссии по актуальным политическим событиям (Внебрачных, 2012). В этой связи все чаще слышатся призывы развивать критическое мышление и у журналистов, и у читателей.

Если посмотреть на организацию пространства противоборства с Россией, то заметно, что западным элитам для значительной части политически и информационно вовлеченных слоев своих обществ удалось создать постреальность, которую можно маркировать так: «Цивилизованный мир против агрессивной России и сочувствующих ей стран». Она несет элемент ценностно-идеологического противопоставления с основой на технологии информационных манипуляций, опирается на легализованный в качестве инструмента ведения дискуссии социально-философский феномен постправды.

В 1960–1970-е годы холодная война СССР и США породила несколько мифов. Самый известный – *Russian connection* («русский след»), или связь с советскими службами. Впервые эта связь упомянута в показаниях убийцы Джона Кеннеди Ли Харви Освальда, якобы признавшегося, что часть его деятельности оплачивала советская разведка². Позднее данная знаковая реалья использовалась в описании мифа о советской военной угрозе. Миф о российском вмешательстве перешел в мейнстрим XXI века, когда во время теракта в Бостоне бывшие граждане СССР чеченской национальности братья Царнаевы обозначались как *Russians*. Также безосновательными, судя по результатам специальной правительственной комиссии, стали поиски «русского следа» в американских президентских выборах 2016 года: двухлетнее разбирательство состава преступления не обнаружило. При этом формируется ущербный имидж России: контент западных СМИ несет ассоциации, которые задают однобокое восприятие России. Например, «большая старушка», «хромой медведь» (Постерняк, 2017).

Альтернативная историческая реальность, дополненная рядом актуальных обстоятельств, стала основой для конструирования новой глобальной системы международных отношений. При этом можно говорить уже не о постправде, а о новом феномене – постреальности. Параллельно в западном социальном и социально-политическом дискурсе началось обсуждение вопроса о посткапитализме (Болтански, Кьяпелло, 2010): сокращение рыночных факторов в пользу регулирования системы за счет политических и идеологических действий.

Предыдущий тезис доказывает, что происходит отход от канонов традиционной журналистики в информационном мейнстриме. Журналистика фактов подменяется журналистикой мнений. В качестве примера можно привести круглосуточный телеканал *Fox News*, выражающий установки республиканской партии, и его конкурента *MSNBC*, пропагандирующего взгляды сторонников ультралиберальной философии, которой

² Paid by Russians, Oswald Reported: Said to Have Left Notes on Link to Soviet Police. *New York Times Archives*. <https://www.nytimes.com/1964/06/28/archives/paid-by-russians-oswald-reported-said-to-have-left-notes-on-link-to.html>

придерживается демократическая партия США. Доля журналистики фактов по сравнению с журналистикой мнений постепенно уменьшается, сегодня она составляет примерно 30 к 70 (Newman, 2024). На сайтах и в сообществах соцсетей набирают популярность не сами новости, а то, как они преподносятся экспертами и комментаторами. Поэтому ведущие мировые СМИ (и мейнстримные, и альтернативные) активно используют колонки *Opinion* для популярности информационного ресурса.

Можно констатировать, что проблемы развития глобального мира, выявленные в начале 2010-х годов (Fuchs, 2012), разрешились. Классический капитализм поглощен социоинформационной средой, формируется некая гибридная сущность с выхолащиваемой коммерческой составляющей. Отметим, что нынешние тенденции развития информационного общества соответствуют политическому запросу в большинстве стран мира.

Росту количества медиа, не отражающих мейнстримовскую точку зрения, способствовало развитие интерактивности. Это было предсказано Тимом О'Райли (2005). Он предложил новую модификацию веб-ресурсов Web 2.0 с вовлеченностью пользователей в производство контента, с развитием платформ для популяризации пользовательского и профессионального контента, с усилением роли интеграции между производителями и потребителями медиа.

Развитие информационного общества на современном этапе носит относительно медленный, но внутренне противоречивый характер. Ключевые тенденции, которые мы приводим ниже, наблюдаются на фоне общего торможения технологического развития после резкого скачка 2010-х годов, связанного с технологиями коммуникационной мобильности (Урри, 2012).

- Доведение технологий кастомизации контента до уровня социальных групп разного охвата и разной направленности. Пока этот уровень кастомизации обкатывается на уровне коммерческого потребления, но в дальнейшем в конкурентных политических системах вполне может быть востребован и для политических коммуникаций.

- Генерация искусственным интеллектом устойчивых и, что важно, социально гармоничных систем образов как визуализированных (эстетизированных), так и текстовых (нарративных). Информационное пространство столкнулось с перспективой возникновения безлюдной коммуникационной среды, где в ряде случаев поисками важной для человека информации будут заниматься машинные (если не постчеловеческие, то как минимум нечеловеческие) сущности.

- Тиражирование гибридных социокоммуникационных форматов (Евстафьев, 2018), онлайн-коммуникации. Это означает возникновение вакуума управленческих сигналов, особенно в условиях относительного кризиса механизмов поддержания глобалистского мейнстрима только за счет информационных средств («каскадирование нарративов»), что компенсируется на низовом уровне (grass-root) активизацией традиционных

для данного пространства социальных институтов. Кризис потенциала информационного общества как инструмента стратегического управления обществом становится важнейшим аспектом его развития. Отчасти это возможно при дальнейшем применении технологий искусственного интеллекта для генерации информационного потока.

Эти тенденции являются среднесрочными, но могут быть изменены с появлением новых технологических решений, запрос на которые растет. Вероятно, что следующий технологический рывок будет реализован для наращивания возможностей среднесрочно живущей виртуальной реальности.

В числе социальных социокультурных тенденций, составляющих цивилизационный аспект процесса регионализации универсального общемирового информационного общества, выделим некоторые.

1. Выход процессов коммерциализации сферы коммуникаций на относительное плато, определяющее необходимость качественной структуризации, осуществляемой через экосистемы коммерческих структур, причем уже не только финансово-инвестиционных. Интересным моментом становится возникновение расчетных экосистем в геймерских пространствах, сравнительно быстро перерастающих в инструмент управления социально активными сообществами (Ветушинский, 2020).

2. Ценностное противоборство, реализуемое через коммуникационное доминирование. Внутри этой тенденции, существует важнейший элемент – запрос на визуализацию. За этим, очевидно, скрывается запрос на новую эстетику, которая во многом будет отрицанием эстетики постмодерна, но также будет гибридной, сочетая виртуальность и онлайнность.

3. Завершение процесса демедиатизации. Возникновение и масштабирование экосистем социального типа означает смерть классических медиа даже в цифровом формате, прямое сращивание процесса потребления информации с потреблением товаров и услуг. При этом предельная атомизация информационного пространства существенно снижает возможности социального управления. Эта противоречивая тенденция является, вероятно, одной из ключевых в формировании среднесрочных тенденций развития информационного общества и важнейшей, обуславливающей переход к управлению на базе технологий постреальности.

Авторы предполагают, что социокультурные тенденции развития информационного общества могут оказаться более устойчивыми, нежели технологические.

В результате наблюдаемых трансформаций глобального политического и экономического пространства, даже если они не приведут к фундаментальному изменению политической и экономической архитектуры, мы получим принципиально иную социоинформационную среду со следующими очевидными уже на нынешнем этапе элементами:

- начало формирования «ценностно обусловленных» сегментов информационного общества, не совпадающих, ни с границами национальных суверенитетов, ни с теоретическими границами макрорегионов;

- изменение требований (запроса) в отношении профессиональных, насколько этот термин в принципе применим к актуальному состоянию, участников медиапроцессов (актеров, ретрансляторов и интерпретаторов);
- изменение степени кастомизации коммуникаций и интрузивности влияния на человека, в том числе и с точки зрения механизмов обратной связи (O'Loughlin, 2020).

При развитии в рамках намеченной линии возникает вопрос о будущем глобального информационного общества как такового, о механизмах управления его развитием с целью минимизировать возможное негативное влияние для его систем. Авторы выносят на исследовательскую повестку гипотезу, что тенденции развития глобальной политической и экономической архитектуры диктуют необходимость усиления социально-конструктивистских аспектов информационного общества как эффективного инструмента сохранения целостности глобального политического и социокультурного мейнстрима. Постреальность можно определить как социоинформационную технологию, опирающуюся на высокий уровень социальной атомизации развитых обществ и возможности современных интегрированных цифровых коммуникаций, направленную на среднее и долгосрочное управление социальным поведением больших общественно значимых групп, а в идеале – общества в целом. Основанием становятся измененные, скорректированные исходные данные, то есть отрегулированное восприятие текущей социально-политической и социально-экономической реальности (в идеале).

Проявление в реальной жизни феномена постреальности соответствует возобновлению геоэкономической регионализации, затормозившейся в результате политических событий 2021–2024 годов. Принципиальной задачей американоцентричного мира становится восстановление возможностей стратегического управления в условиях высокого уровня социальной атомизации и кризиса созданной в период поздней глобализации каскадной институциональной системы – от глобальных институтов к их «репликам» на страновом уровне. Несмотря на доминирование в глобальных каналах коммуникаций и в ряде случаев использования относительно жесткого инструментария поддержания постреальности, Западу удалось удержать сконструированную реальность «Цивилизованный мир против агрессивной России» с 2019 по 2024 год.

К середине 2024 года распад антироссийской реальности даже в странах ядра американоцентричной глобализации не вызывает сомнений. Об этом свидетельствуют результаты выборных кампаний 2024 года во многих странах. Политически значимым становится разрыв между условно элитным уровнем постреальности (источниками) и основной частью общества (потребителями). Главными инструментами, удерживающими на момент написания статьи конструкцию в целом, выступают административно-правовые инструменты. Отчасти это происходит благодаря активной деятельности заблокированных и ограниченных в вещании россий-

ских и альтернативных медиа, таких как RT и *Sputnik* в Юго-Восточной Азии, Африке и в странах Латинской Америки. При этом все больше читателей в США потребляют альтернативный российский информационный контент на испанском языке (Iriarte, 2022).

Относительно быстрый распад антироссийской постреальности в ситуации, когда она была в наибольшей степени нужна для консолидации антироссийской коалиции, отражает объективный процесс кризиса общего видения будущего в мире глобализации и конкуренции ценностей.

Одна из причин относительной неудачи в формировании антироссийской постреальности – игнорирование тенденций развития информационного общества и информационного пространства как интерфейса и инструмента влияния на общество. Исходя из этого, вторая авторская гипотеза может быть сформулирована следующим образом: устойчивое удержание постреальности как пространства управления социальными (социально-экономическими и социально-политическими) процессами предполагает восстановление медийности в информационной среде, что подразумевает ее принципиальное изменение как на макро-, так и на микроуровне.

В последнее время мейнстримные новости постепенно теряют свое авторское начало. Вместо этого происходит ретрансляция общепринятой повестки. Нивелирование авторского начала приводит к изменению содержательной и стилистической сущности информационных текстов. Происходит псевдоунификация информационного воздействия, что открывает большие возможности для англоязычных альтернативных международных медиа в неанглоязычных странах по изменению формирования картины мира у потребителей новостей. Так, в материалах англоязычного портала *Sputnik International* за июль 2024 года три четверти материалов о международной жизни посвящены событиям и фактам, о которых не говорят в международном мейнстриме: повышение обороноспособности Российской Федерации, ранее неизвестные действия американских и мировых политиков, случаи сокрытия правды при освещении российской жизни. Используется креативный подход к визуализации информационного контента, что повышает доверие аудитории к альтернативной точке зрения.

Если верна гипотеза о переходе от постправды к постреальности, то *новая медийность* неизбежно станет доминирующим запросом в процессе переформатирования информационного общества. В связи с этим сформулируем четыре принципиальных вопроса, касающиеся трансформаций медиапространства.

1. Новая интерактивность в условиях постреальности. Постреальность в мейнстриме отныне не слишком способствует развитию интерактивности, что противоречит принципам интегрированных коммуникаций, где обратная связь является крайне важной встроенной функцией.

2. Новая мультимедийная журналистика. Формирующаяся информационная среда, особенно если она будет предполагать возвращение в той

или иной степени к медийности, обозначает новые взаимоотношения между создателями контента и его потребителями, отличающиеся от характерных и для до-сетевой эпохи, и для периода пика сетевизации, и де-профессионализации сферы коммуникаций. Особое внимание в этом случае сосредоточено на поиске сегментированной лояльной целевой аудитории.

3. Инструменты сохранения целостности многоуровневой постреальности. Можно сказать, что в условиях ценностной структуризации геоэкономических макрорегионов целостность региональной/коалиционной постреальности следует поддерживать с помощью частичного изменения сетевой структуры медиaprостранства на иерархическую. Это легко сделать на базе мультимедийных альтернативных медиаплатформ, которые успешно адаптируют восприятие глобальных реалий в региональной среде.

4. Конкуренция между медиaprостранством и пространством немедийных цифровых потребительско-информационных экосистем. Медиа понятны государству и более управляемы, при этом немедийные экосистемы позволяют обеспечивать естественное коммерческое наполнение коммуникаций и поддержание за счет собственных возможностей. Информационные ресурсы входят в популярные экосистемы и становятся частью развлекательного контента.

Возможные направления трансформаций медийного пространства будут в определенной мере отрицанием всего опыта поздней глобализации. Одновременно они впишутся в технологические тренды развития: с точки зрения среднесрочных тенденций, поскольку соответствуют задачам геоэкономической регионализации, прежде всего в контексте социальной составляющей. Фактически речь идет о возможности реализации на национальном или региональном уровне принципов новой медийности в условиях максимального уровня кастомизации контента и возможностей визуализации в условиях транссекторальной конкуренции.

Заключение

Постреальность нельзя оценивать только как медийный феномен. Это социоинформационная среда, отражающая как изменения контекста, в котором развивается информационное общество, пространство глобальной политики и экономики, так и востребованность отдельных инструментов внутри информационного общества. Постреальность – закономерный этап развития социально манипулятивного потенциала информационного общества, оказавшегося более чем востребованным на данном этапе исторического развития. Неизбежно обострение борьбы за национальные и региональные сегменты информационного пространства: и с точки зрения контроля структурных изменений, и на уровне трансляции контента.

Постреальность, на наш взгляд, это попытка управляемого демонтажа глобализированного постмодерна как социальной модели. При этом в

качестве основы социально-экономического пространства сохраняется постиндустриализм, хотя бы для части государств ядра глобализации, когда реиндустриализация провалилась практически везде, включая США. Постреальность как технология стратегического управления глобальными трансформациями имеет ограничения. Они связаны с двумя аспектами: в тактическом плане и в среднесрочной перспективе. Во-первых, легализуются административно-силовые методы управления социально-политическим пространством глобализации, что фактически похоронило концепт мягкой силы (Nye, 2018). Этот же аспект стимулирует и постоянную эскалацию политико-административного давления на СМИ. Во-вторых, возникает эффект подталкивания стран, претендующих на большую роль в неоглобальном мире, к суверенизации собственного социоинформационного пространства как на правовом уровне (принятие законов об ограничении внешнего влияния на медиа), так и через административно-политические рычаги.

В итоге вопрос заключается в запросе на принципиально иную, нежели в эпоху поздней глобализации, структуру информационного общества, способную поддерживать целостность цивилизационного мегамифа, что выходит за рамки классической пропаганды и информационных манипуляций. Формирование подобной системы подразумевает возникновение *новой медийности*, восстанавливающей принцип управления информационным обществом через «повестку», но с использованием якорных информационных платформ и преодолением рудиментов конкуренции постправд, главным из которых была бытовая экспертность и относительно целостный глобальный информационный мейнстрим. Распад глобального информационного мейнстрима, построенного на базе регионально и национально адаптированных универсальных нарративов, вероятно станет отправной точкой для формирования новой медиасреды.

Список литературы

- Болтански Л., Кьяпелло Э. Новый дух капитализма. М. : Новое литературное обозрение, 2010. 976 с.
- Ветушинский А.С. Больше, чем просто средство: новый подход к пониманию геймификации // Социология власти. 2020. Т. 32. № 3. С. 14–31.
- Внебрачных Р.А. Троллинг как форма социальной агрессии в виртуальных сообществах // Вестник Удмуртского университета. Серия Философия. Социология. Психология. Педагогика. 2012. № 1. С. 48–51.
- Евстафьев Д.Г. Социокоммуникационная гибридность как свойство современного информационного общества // Коммуникации. Медиа. Дизайн. 2018. Т. 3. № 4. С. 140–158.
- Кин Дж. Демократия и декаданс медиа / пер. с англ. Д. Кралечкина ; под науч. ред. А. Смирнова. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. 312 с.
- Постерняк К.П. Репрезентация концепта «Россия» в британских СМИ 90-х годов // Язык, культура, коммуникация: изучение и обучение. Материалы II Международной научно-практической конференции. Орел : ОГУ им. И.С. Тургенева, 2017. С. 355–359.
- Урри Дж. Мобильности / пер. с англ. А. Лазарева. М. : Праксис, 2012. 578 с.

- Яковлев П.П. Глобальный Юг: концептуальные подходы и социально-экономические процессы // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2021. Т. 14. № 2. С. 6–27. <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2021-14-2-1>
- Allsop J. The cynicism of blaming the media for the Trump assassination attempt // *Columbia Journalism review*. 15.07.2024. URL: https://www.cjr.org/the_media_today/trump_attempt_assassination_blame_media.php
- Baysha O. *Miscommunicating Social Change. Lessons from Russia and the Ukraine*. Lanham, Boulder, New York, London : Lexington Books Publ. 2019. 246 p.
- Fuchs C. Capitalism or information society? The fundamental question of the present structure of society // *European Journal of Social theory*. 2012. Vol. 16. No. 4. P. 413–434. <https://doi.org/10.1177/1368431012461>
- Gosztonyi G. The Rise of Digital Authoritarianism Across the Globe // *Censorship from Plato to Social Media: The Complexity of Social Media's Content Regulation and Moderation Practices*. Springer International Publ., 2023. P. 157–162. <https://doi.org/10.1007/978-3-031-46529-1>
- Iriarte D. RT en Español: How Russian Disinformation Targets 500 Million Spanish Speakers // *RT in Europe and beyond: The Wannabe Elite of the Anti-Elites*. Center for Democratic Integrity Publ. <https://democratic-integrity.eu/rt-en-espanol-how-russian-disinformation-targets-500-million-spanish-speakers/>
- Lendval G.F. Media in War: An Overview of the European Restrictions on Russian Media // *European Papers*. 2023. Vol. 8. No. 3. <https://doi.org/10.15166/2499-8249/715>
- Newman N. Journalism, media and technology trends and predictions 2024 // Reuters Institute. Internet source. <https://doi.org/10.60625/risj-0s9w-z770>
- Nye Jr. J.S. How Sharp Power Threatens Soft Power. The Right and Wrong Ways to Respond to Authoritarian Influence // *Foreign Affairs*, January 24, 2018. <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2018-01-24/how-sharp-power-threatens-soft-power>
- O'Loughlin B. Media regime disruption and the conditions of public reflexivity // *International Journal of Communication*. 2020. Vol. 14. P. 6113–6132.
- O'Reilly T. What is Web 2.0. Design Patterns and Business Models for the Next Generation of Software. <http://oreilly.com/web2/archive/what-is-web-20.html>

References

- Allsop, J. (2024, July 15). The cynicism of blaming the media for the Trump assassination attempt. *Columbia Journalism review*. https://www.cjr.org/the_media_today/trump_attempt_assassination_blame_media.php
- Baysha, O. (2019). *Miscommunicating Social Change. Lessons from Russia and the Ukraine*. Lanham, Boulder, New York, London: Lexington Books.
- Boltanski, L., & Chiapello, E. (2010). *New Spirit of Capitalism*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ. (In Russ.)
- Evstafiev, D.G. (2018). Socio communicational hybridity as the essence of information society. *Communications. Media. Design*, 3(4), 140–158. (In Russ.)
- Fuchs, C. (2012). Capitalism or information society? The fundamental question of the present structure of society. *European Journal of Social theory*, 16(4), 413–434. <https://doi.org/10.1177/1368431012461432>
- Gosztonyi, G. (2023). The Rise of Digital Authoritarianism Across the Globe. *Censorship from Plato to Social Media: The Complexity of Social Media's Content Regulation and Moderation Practices* (pp. 157–162). Springer International Publ. <https://doi.org/10.1007/978-3-031-46529-1>
- Iriarte, D. (2022). RT en Español: How Russian Disinformation Targets 500 Million Spanish Speakers. *RT in Europe and beyond: The Wannabe Elite of the Anti-Elites*. Center for

- Democratic Integrity Publ. <https://democratic-integrity.eu/rt-en-espanol-how-russian-disinformation-targets-500-million-spanish-speakers/>
- Kean, G. (2015). *Democracy and the media decadence*. (D. Kralechkin, Trans., A. Smirnov, Ed.). HSE University Publishing House. (In Russ.)
- Lendval, G.F. (2023). Media in War: An Overview of the European Restrictions on Russian Media. *European Papers*, 8(3). <https://doi.org/10.15166/2499-8249/715>
- Newman, N. (2024, January 9). Journalism, media and technology trends and predictions 2024. *Reuters Insitute. Internet source*. <https://doi.org/10.60625/risj-0s9w-z770>
- Nye Jr., J.S. (2018, January 24). How Sharp Power Threatens Soft Power. The Right and Wrong Ways to Respond to Authoritarian Influence. *Foreign Affairs*. <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2018-01-24/how-sharp-power-threatens-soft-power>
- O’Loughlin, B. (2020). Media regime disruption and the conditions of public reflexivity. *International Journal of Communication*, 14, 6113–6132.
- O’Reilly, T. (2005). *What is Web 2.0. Design Patterns and Business Models for the Next Generation of Software*. <http://oreilly.com/web2/archive/what-is-web-20.html>
- Posternyak, K.P. (2017). Representation of concept “Russia” in the British media of 1990s. *Language, culture, communication: study and training. Proceedings of the II International scientific and practical conference* (pp. 355–359). Orel: Orel State University named after I.S. Turgenev Publ. (In Russ.)
- Urry, G. (2012). *Mobilities*. (A. Lazarev, Trans.). Moscow: Praxis Publ. (In Russ.)
- Vetushisky, A.S. (2020). More than just a wayvo: the new approach to understanding gamification. *Sociology of power*, 32(3), 14–31. (In Russ.)
- Vnebrachnykh, R.A. (2012). Trolling as a form of social aggression in virtual community. *Bulletin of Udmurt University. Series Philosophy. Psychology. Pedagogy*, (1), 48–51. (In Russ.)
- Yakovlev, P.P. (2021). Global South: Conceptual Approaches and SocioEconomic Processes. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, 14(2), 6–27. (In Russ.) <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2021-14-2-1>

Сведения об авторах:

Дмитриев Олег Аркадьевич, кандидат филологических наук, профессор, заместитель директора института медиа НИУ «Высшая школа экономики», Российская Федерация, 119028, Москва, Хитровский переулок, д. 2/8, стр. 5. ORCID: 0000-0001-9051-5988; SPIN-код: 4115-5052. E-mail: oadmitriev@hse.ru

Евстафьев Дмитрий Геннадиевич, кандидат политических наук, профессор института медиа НИУ «Высшая школа экономики», Российская Федерация, 119028, Москва, Хитровский переулок, д. 2/8, стр. 5; профессор кафедры правоведения и практической юриспруденции, Юридический институт, Российский университет дружбы народов, Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. ORCID: 0000-0002-6276-0342; SPIN-код: 8135-4366. E-mail: devstafiev@hse.ru

Bio notes:

Oleg A. Dmitriev, PhD in Philology, Professor, Deputy Director, Media Institute, HSE University, 2/8 Khitrovsky Pereulok, bldg 5, Moscow, 109028, Russian Federation. ORCID: 0000-0001-9051-5988; SPIN-code: 4115-5052. E-mail: oadmitriev@hse.ru

Dmitry G. Evstafiev, PhD in Political Sciences, Professor, Media Institute, HSE University, 2/8 Khitrovsky Pereulok, bldg 5, 109028, Moscow, Russian Federation; Professor, Department of Legal Studies and Practical Law, Law Institute, RUDN University, 6 Miklukho-Maklaya St, 117198, Moscow, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-6276-0342; SPIN-code: 8135-4366. E-mail: devstafiev@hse.ru